

ZOJA KUCA

ОБРАЗ ПАСТЫРЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ АЛЕКСАНДРА СЕГЕНЯ „ПОП”

Пастырскому деланию должно быть более свойственно
преодоление зла в мире и человеке добром и любовью,
нежели обличением и осуждением¹.

Архимандрит Киприан (Керн)

Образ священника является сквозным в русской литературе и каждый несет свою, индивидуальную смысловую нагрузку, в зависимости от исторической эпохи, мировоззрения и умозаключения писателя, создающего данный образ. Для этой общественной группы людей свойствен следующий синонимичный ряд определений: отец, отец духовный, священник, поп, батюшка, миссионер.

До революции 1917 года священник занимал высокий общественный статус. Однако, революция и смена власти повлекла за собой преследования духовенства и их семей, начались массовые антирелигиозные акции. В советском государстве была объявлена целая компания по „компрометации попов”². В статье *О значении воинствующего материализма* Ленин объявил борьбу с буржуазной идеологией, а также любой мистикой и идеализмом³. Непримируемая борьба с духовенством и беспартийной интеллигенцией привела к тысячам жертв. Согласно исследованиям ученых, большевистские

DR ZOJA KUCA – Zakład Lingwistyki Stosowanej UMCS; e-mail: zoe@umcs.lublin.pl

¹ Архимандрит Киприан (Керн), *Православное пастырское служение*, Клин 2002, с. 34.

² А. З а м а л е в, *История русской культуры*, Санкт-Петербург 2005, с. 194.

³ Б. К о д з и с, *Литературные центры русского зарубежья 1918-1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание*, München 2002, с. 90-91.

репрессии унесли жизни около 40 тысяч духовных лиц, в том числе 600 епископов. Число уничтоженных составило 85% общего количества духовенства⁴. В статье Павла Милюкова *Россия на переломе. Красный террор* приведена ужасающая статистика истребленных красным террором⁵.

Поскольку советским правительством Церковь воспринималась в качестве политического противника, то религия, в широком понимании этого слова, приняла на себя первый удар со стороны коммунистической власти. Она рассматривалась большевиками как „оплот буржуазной реакции”, „опиум для народа”, одурманивающий буржуазный класс”. С января 1918 года Русская православная церковь была лишена статуса юридического лица, имущество церкви было объявлено народным достоянием, была отменена церковная регистрация браков и еще целый ряд лишений, который повергнул Русскую православную церковь в глубокое смятение⁶. Воспользовавшись голодом, начавшимся в 1921 году, советское правительство ожесточило меры по уничтожению церквей и духовных лиц. Несмотря на то, что церковная власть принимала активное участие в борьбе с голодом, большевики издали декрет *Об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих*, что открыло беспрецедентную кампанию репрессий против православного духовенства, проводившуюся под мнимым предлогом нежелания Русской церкви оказывать материальную помощь голодающим⁷. Ненависть большевиков к церкви и религии достигла небывалого масштаба, последствия которого ощутимы по сегодняшний день. Это явилось одной из причин того, что священник как пастырь не привлек особого исследовательского внимания. Если в литературе и появлялся образ священника как проповедника нравственных основ христианства, то это было связано не столько с представлением его как идеала, сколько с его непосредственной связью с деревенским населением, он как духовный наставник, советчик, помощник, утешитель духовной паствы⁸. В своей статье А. Розов делает попытку представить типы образов священников, которые получили свое отражение

---

⁴ См: W. Su p a, *Biblia a współczesna proza rosyjska*, Białystok 2006, с. 11.

⁵ См. дет.: П. М и л ю к о в, *Россия на переломе. Красный террор*, [в:] *Литература русского зарубежья. Антология в шести томах*, т. II (1926-1930), Москва 1991, с. 462.

⁶ З а м а л е в, *История русской культуры*, с. 193.

⁷ С в я щ е н н и к Г. М и т р о ф а н о в, *Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы*, Санкт-Петербург 1995, с. 23-24.

⁸ А. Р о з о в, *Заметки о церковной критике второй половины XIX - начала XX (Образ священника в русской литературе)*, «Русская литература» 2001, № 4, с. 32.

в русской литературе: пастырь добрый, т.е. идеальный батюшка, пастырь-идеалист, поп-пьяница, священник-наемщик и др. Автор статьи объясняет причины возникновения в быту и в литературе отрицательного образа священнослужителей. Появление такого образа и персонажа было следствием исторических событий. Еще со времен Петра I церковь была подчинена государству, именно тогда, особенно среди образованных масс, возникло отрицательное отношение к православному духовенству⁹. В русской литературе до начала XX века существовали уже сложившиеся образы священников, которые были носителями важных мировоззренческих идей в русской культуре¹⁰. К ним нужно отнести образ старца Зосимы из романа Ф. Достоевского *Братья Карамазовы*, священников Н. Лескова в рассказе *Некрещеный поп* и *Соборяне*, духовные лица в произведениях Л. Толстого в *Воскресение*, *Три смерти*, наконец, духовников в творчестве Л. Андреева, представленных в рассказе *Жили-были* и *Жизнь Василия Фивейского*. Образ сельского пастыря замечательно представлен в рассказе А. Чехова *Кошмар*. В работе *Религия А. П. Чехова* автор отмечает, что в произведениях писателя священники представлены со всеми правдивыми атрибутами, т. е. бедностью, нищетой, запуганностью. Чехов был хорошо знаком с духовной и церковной средой, благодаря чему в своих произведениях правдиво представлял данный общественный слой населения: 38 служителей церкви, из них – 11 священников¹¹.

Ключевое место среди героев-священников в русской литературе занимает старец Зосима, ставший впоследствии прототипом для создания духовных лиц в художественной литературе, представленный Достоевским как „светильник православия” – идеальный образ христианина. Однако нужно отметить, что в *Братьях Карамазовых* представлены два духовных образа-образа, которые, в дальнейшем, образовали своего рода две линии споров, широко отраженных в русской культуре: – то есть образ благостного Зосимы и сурового, полуяродивого Ферапонта. Если в образах Зосимовского типа показана скромность, кротость, любовь и смирение, то в описании старца Ферапонта чувствуется строгость и сдержанность.

---

⁹ Там же, с. 32-34.

¹⁰ W. S u p a, *Portrety prawosławnych duchownych w porewolucyjnej prozie rosyjskiej*, „Roczniki Humanistyczne” 6(2008), z. 7, s. 35.

¹¹ А. Р о з о в, *Заметки о церковной критике второй половины XIX - начала XX (Образ священника в русской литературе)*, с. 48-49.

В начале XX века борьба с религией стала причиной появления новых образов духовенства в русской литературе. Большинство писателей – отмечает В. Супа – в 20-е и 30-е годы воспринимали священников, как представителей старого мира, символа темноты и отсталости¹². В советскую эпоху наблюдается целенаправленное построение отрицательного образа священника. Отрицательные, негативные черты характера превалируют над положительными, если таковы вообще есть. На первое место выдвигаются корыстолюбие и жадность; вредные пристрастия и привычки: алкоголь и табакокурение, ему также свойственны денежные вымогательства, выгодные сделки с прихожанами. Такие образы создают утрированный, а даже вульгарный образ священника, подрывая, естественно, его авторитет среди населения. Сложившийся образ духовного пастыря далек от идеала и в глазах общества не является образцом для подражания. Отметим, что одним из самых распространенных идеологических антирелигиозных средств была периодика, в которой, в основном, употреблялось слово „поп”, и с тех времен так сильно укоренилось в русской культуре, естественно, с яркой негативной окраской. Таким образом формировалось негативное представление об этой общественной группе людей.

Сатирические образы духовных лиц представлены в романе Е. Петрова и И. Ильфа *Двенадцать стульев* и *Соть* Л. Леонова. Авторы *Двенадцати стульев* в произведении не затрагивают вопрос о роли церкви в обществе, ни тем более религии как таковой. Они ограничились созданием сатирического образа священника, который не заботится о духовном благе людей и церкви, он, прежде всего, занят вопросами частного характера, связанными с материальным благополучием. Леонов в произведении *Соть* представляет монахов, принявших постриг неосознанно, скорее, по стечению обстоятельств. Атрибутами монастырской жизни являются смрад, грязь и крайняя бедность. Монахов интересуют вопросы не духовно-метафизического, а бытового характера¹³. Отметим, однако, что после мировоззренческой метаморфозы, которую прошел прозаик в 40-е годы, в романе *Пирамида* он опять затрагивает вопрос преследования духовенства¹⁴, на этот раз, без умалчивания показывая жестокость коммунистического мира.

¹² W. S u p a, *Portrety prawosławnych duchownych w porewolucyjnej prozie rosyjskiej*, s. 36.

¹³ Там же, с. 38-40.

¹⁴ Там же, с. 45-46.

Повесть Василия Быкова *Карьер* кардинально меняет мировоззренческие рамки в представлении образов духовных лиц в среде советских писателей. Быков смело заявляет, что преследование духовенства в советское время было целью самой в себе, поскольку священнослужители не являлись угрозой для власти, борьба с религией сводилась к уничтожению священников и их семей. Вопрос преследования священников в своих произведениях затронул также Леонид Леонов в произведении *Пирамида*, пройдя мировоззренческий метаморфоз¹⁵. На мессианскую деятельность духовенства обратил свое внимание Александр Сегень, автор книги *Поп*, которой мы займемся в данной статье.

Добавим, что в сегодняшнее время образ православного священника привлек свое внимание не только писателей, но и кинематографов. Стоит хотя бы вспомнить о фильме Павла Лунгина *Остров* и о фильме Владимира Хотиненко, снятом по одноименному роману Александра Сегеня *Поп*, в котором представлен миссионерский путь отца Александра Ионина, несшего свой крест в тяжелых условиях немецкой оккупации Прибалтики во время Второй мировой войны. Нужно добавить, что книга сразу же вызвала ряд дискуссий. Предметом этих споров явилась деятельность миссионерской организации, членом которой был Александр Ионин. Одни утверждали, что участники Православной Псковской Миссии были пособниками нацистов, другие считали их людьми, которые под покровительством немцев исполняли священный долг перед Богом и людьми. В романе *Поп* речь идет не столько о деятельности этой миссии, сколько об одном из ее членов, о рядовом протоиерее Александре Ионине¹⁶.

Александр Сегень – современный писатель, автор ряда романов на религиозные темы: *Солнце земли Русской* об Александре Невском, *Поп* – о священниках в годы Великой Отечественной войны, *Свет светлый* – о митрополите Киевском и всея Руси Алексии, *Московский Златоуст* – о святителе Филарете (Дроздове), митрополите Московском и Коломенском. Нужно добавить, что Сегень является автором многочисленных статей по русской истории и культуре. Ключевое место в его публицистике занимают работы о Православии, за которые автор был удостоен премии имени Булгакова.

---

¹⁵ Там же, с. 45.

¹⁶ Монахиня Е. П а щ е н к о, «*Душе проснуться никогда не поздно... А. Сегень. «Поп»*», <http://omiliya.org/content/dushe-prosnutsya-nikогда-ne-pozдно-a-segen-pop.html>, информация от 04.07.2013.

Книга *Поп* была написана по особому и почетному заказу, поступившему непосредственно от Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Оказывается, что отец Патриарха, священник Михаил Ридигер, во время войны оказался на оккупированной немцами территории, где продолжал свое пастырское служение. Поэтому книга, явившаяся замыслом Патриарха, имеет особую цель – реабилитировать тех священников, которые несли свою пастырскую миссию, продолжали жить, растить детей под пристальным оком врага¹⁷.

События, явившиеся канвой романа *Поп*, построены на документальных фактах. Во время Второй Мировой войны показана деятельность Псковской Православной Миссии в годы 1941-1944, когда на территориях, оккупированных немцами, православное духовенство начало возрождать Православие, открывать храмы, ранее закрытые большевиками, видя в этом реализацию своих пастырских обязанностей. Однако же, перед священниками всегда стояла дилемма: религия или патриотизм?

Главным героем романа является бедный сельский священник, отец Александр Ионин, человек совестливый и скромный. Во многом он напоминает героев Лескова, потому неслучайно его жена, зачитываясь произведениями русского классика, часто приписывала отцу Александру эпитеты, взятые именно из книг Лескова. По своей простоте и неказистом виде священник во многом напоминал ребенка. Его детская непосредственность и необыкновенный дар собеседника делали его непревзойденным исповедником и проповедником¹⁸. В своих проповедях он был точен и лаконичен, невероятно правильно умел подобрать уподобительный образ и подходящее сравнение, поэтому слух о силе его проповеди, убеждения, поучения и исповедания распространился далеко за пределы его прихода. В проповедях и поучениях священника всегда присутствовали назидательные цели. Наглядным примером является просьба еврея Моисея о том, чтобы отец Александр переубедил его дочь Хиву не переходить на Православие, а оставаться при вере ее предков. Отец Александр объяснил девочке, «что Православие накладывает на человека величайший груз ответственности»¹⁹, наставлял ее так, что в итоге и сам испугался собственной проповеди и добавил: «Если не

---

¹⁷ А. Сегень, *Поп*, Москва 2010, с. 4.

¹⁸ Там же, с. 14-15.

¹⁹ Там же, с. 9.

передумаешь, я лично тебя и окрещу. Хева это ведь Ева по-нашему? Будешь Евой, в честь прародительницы рода человеческого»²⁰.

Именно благодаря своей простоте, по словам православного немца Иоганна Фрайгаузена, возле отца Александра более чем где-либо чувствовалось присутствие Божие. Сегень симпатизирует своему герою, на первый план выдвигая его положительные черты характера, пытаясь этим уже в начале романа расположить читателя к создаваемому образу «пастыря доброго, идеального батюшки»²¹, который с благоговением совершает богослужения, уделяет нравственную помощь нуждающимся, не оставляет без совета просящего, – он проповедник любви и правды. Батюшка Ионин представляет собой живую и энергичную личность, сконцентрированную на своих пастырских обязанностях. Отец Александр, прежде всего, – это человек с возвышенными и благородными чувствами, это тип борца за правду, но одновременно активный религиозный деятель с ясным и четким пониманием своих целей. Он молитвенник, который ходатайствует перед Богом за грехи народа, взятого целиком и каждого его представителя по отдельности.

Близость священника и прихожан ярко представлена в художественных описаниях, в которых запечатлены эпизоды разговоров пастыря со своим духовником. Он благотворно влияет на окружающих своей добротой и простотой, причем не только православных, но и персонажей другого вероисповедания. Его любовь к бедноте, детям, мужикам имеет религиозную опору, религиозный характер, он искренне желает сблизиться со своей паствой, воздействуя на ее мировоззрение. Пастырь проповедует слово Божье не столько словом, сколько делом, причем отец Александр это делает без малейшего усилия, он следует зову своей души. Его подход к пастырскому деланию напоминает подход Киприана Керна, вытекающий как из его собственного духовного опыта, так и нравственно-богословских установок²². По мнению Киприана Керна, священнослужитель должен сочетать в себе ряд позитивных черт: «призвание свыше, соответствующая духовная и интеллектуальная подготовка, желание спасти, а не судить, внешняя

---

²⁰ Там же, с. 10.

²¹ Термин А. Розова, см.: Р о з о в, *Заметки о церковной критике второй половины XIX - начала XX...*, с. 35.

²² А. К у с у, *Идеал пастыря в нравственно-богословских изысканиях архимандрита Киприана (Керна)*, [в:] *Kultura literacka emigracji rosyjskiej, ukraińskiej i białoruskiej XX wieku. Konteksty. Estetyka. Recepcja*, red. A. Woźniak, Lublin 2013, с. 96.

опрятность и внутренняя чистота, всецелая отданность служению Христу, пронизанная чувством евхаристичности и жажды богообщения»²³.

Интересно, что имя священника, данное ему при крещении, было неслучайным. Его нарекли именем Александр в честь благоверного князя Александра Невского, защитника русских людей от немецкого нашествия. Когда в начале Псковской Миссии ему пришлось выбирать храм для служения, отец Ионин безоговорочно выбрал церковь под покровительством Александра Невского в селе Закаты. «Не в силе Бог, а в правде»²⁴ известное изречение Невского неустанно повторял своим прихожанам отец Александр, действительно питающий не только любовь, но и огромное уважение к своему небесному покровителю.

Князь Александр Невский в свое время сыграл исключительную роль в истории своего государства. Анализируя произведение *Пон*, можно утверждать, что не менее важную роль в деятельности Псковской Православной Миссии сыграл также отец Ионин. Примечательно, что не раз небесный покровитель священника спасал его от смерти. Самым знаменательным кажется момент, когда батюшка исповедовал партизана Алешу Луготинцева, который держал над отцом Александром дуло пистолета. «И вовсе не немцы меня сюда поставили, а сам мой небесный покровитель Александр Невский. И не только мой, но и твой. Ведь ты Алексей. А когда перед самой смертью князь Александр принял монашеский постриг, то ему было присвоено иное имя – Алексей. Стало быть, он и мой, и твой тезка»²⁵. В определенных ситуациях отец Ионин уподоблялся своему небесному покровителю. Чтобы поддержать русских военнопленных в немецких лагерях, он, называя их «своим войском», сравнивал заключённых с войском Александра Невского. Когда немецкое правительство позволило священнику служить Пасхальное богослужение в концлагере, он так обратился к узникам: «Здравствуйте, дорогие мои! – [...] – Вот, наконец, мне разрешено вновь увидиться с вами и вместе произвести пасхальное богослужение. [...] Смотрю на тебя, мое плененное воинство, и вижу, что много потерь и немало пополнения. Забудем же на время наши скорби и печали. Всем сердцем проникнемся праздником воскресения Христова!»²⁶. И в другой раз: «С праздником, до-

²³ Там же, с. 101.

²⁴ Сегень, *Пон*, с. 27.

²⁵ Там же, с. 113.

²⁶ Там же, с. 150.

рогие мои воины! Христос воскрес! – воскликнул он, воздымая над собой крест»²⁷.

Антиподом отца Александра в книге является драматическая фигура, белая ворона среди немцев – Иоганн Фрайгаузен. Его роль – курировать Псковскую Миссию. Он русский по происхождению, замечательно владеющий русским языком, крещенный в православной церкви, соблюдает посты, не скрывая этого даже от самого Гитлера: «Прошу прощения, мой фюрер, – ответил Фрайгаузен, но я не вегетарианец. Просто сейчас идет Петров пост, который православные люди по-прежнему соблюдают»²⁸. Фрайгаузен регулярно исповедается и причащается Св. таинств, во многом помогает отцу Александру, ходатайствует по вопросу усыновления всех его приемных детей, помогает священнику организовать встречи с русскими военнопленными в концлагере. И все же его слепая приверженность нацистскому движению перечеркивает все его достоинства, как христианина.

В своей нелегкой миссии и сотрудничестве некоторые вопросы с немцами отцу Александру приходилось решать хитростью. Как мы уже упомянули раньше, он оказывал глубочайшее милосердие к узникам лагеря. Священник собирал еду, одежду, медикаменты и с помощью Фрайгаузена имел возможность все это передавать и одновременно общаться с ними. Когда ему запретили два раза в неделю кормить узников, он обратился к Фрайгаузену со следующей фразой: «Господь Бог, видя подобное благодеяние со стороны немецкого руководства, позволил германской армии совершить успешное летнее наступление. Все лето мне разрешалось дважды в неделю давать узникам обеды, которые организовались силами жителей нашего села и окрестных мест. И германская армия продолжала успешно наступать. Затем почему-то было приказано кормить узников один раз в неделю, а второй раз отдавать в пользу немцев. И сразу на Волге у вас начались неприятности»²⁹.

Весомое место в романе занимает власть: советская и фашистская. Как Сталин, так и Гитлер представлены тиранами. Для миллионов людей они отождествлялись с символами могущества данной страны. Оба в Церкви или с помощью Церкви пытаются добиться одного – еще большей власти. Настоящая цель Гитлера – полное истребление христианства, так как по его

---

²⁷ Там же, с. 100.

²⁸ Там же, с. 21.

²⁹ Там же, с. 143.

мнению, «христианскую веру придумали евреи, чтобы подчинить себе другие народы»³⁰. Относительно православного духовенства он выражал следующие умозаключения: «Русские попы – люди весьма одаренные. [...] Они великолепные пропагандисты»³¹. И далее: «Когда мы достаточно по-эксплуатируем русских попов для привлечения на нашу сторону населения России, я хладнокровно прикажу их всех перевешать. Их символом станет не крест, а виселица! Величественная картина! Грандиозный Московский Кремль, а вокруг него на стенах болтаются бородатые попы!»³². Как Гитлер, так и Сталин использовали Церковь для укрепления собственной власти, причем оба диктатора видели только временное использование Церкви, ибо, после победы над Россией, «русских попов придется перевешать», планировал Гитлер. Сталин, в свою очередь, не во многом от него отличался, ибо считал, что после изгнания немцев с Псковской земли всех сотрудников тамошней церковной миссии он отправит в лагеря, поскольку «лагерь – это тот же монастырь. Хороший священник это поймет и роптать не будет. Для спасения души необходимо страдание»³³.

В рецензии на книгу *Поп* Е. Пашенко утверждает, что Сегень на примере власти Сталина и Гитлера делает вывод, что любой тоталитарный режим не приемлет церковь и является антихристианским³⁴. Добавим, в связи с этим, что коммунистическая система создала собственную quasi-религию с избранным богом, святыми и соответствующими обрядами³⁵. Сакрализация Советской власти совершалась одновременно с тотальной атеизацией общества. Это привело к тому, что уже в 60-е годы религия ассоциировалась с чем-то негативным, религиозный человек слыл простаком и простолюдином. Интересными по этому поводу представляются рассуждения одного из героев, непосредственно пересекающегося с отцом Иониным, на примере которого показана «работа коммунистов» по атеизации людей и результат такой деятельности. Наблюдая за восстановлением храма в селе Закаты, Алексей Луготинцев с недоумением думал: «И многие другие закатовцы с жаром взялись переделывать клуб в церковь, словно и не было двадцати

³⁰ Там же, с. 19.

³¹ Там же, с. 20.

³² Там же, с. 67-68.

³³ Там же, с. 275.

³⁴ Е. П а ш е н к о, «*Душе проснуться никогда не поздно*».

³⁵ О quasi-религиозном аспекте коммунизма см.: M. Heller, *Maszyna i śrubki. Jak hartował się człowiek radziecki*, Warszawa 1989.

четырёх лет советской власти, освободившей народ от религиозного мракобесия. Не укладывалось в голове: как это люди, вполне здравомыслящие и трезвые, которые, казалось бы, должны понимать всю дурь поповского учения, ни с того, ни с сего охотно лезли в церковную кабалу!»³⁶. И далее «и Лешке стало до тошноты обидно, что теперь там вместо парадных портретов Ленина, Сталина, Кирова, Буденного, Ворошилова будут красоваться всякие умильные Богородицы и Николы Угодники...»³⁷.

В книге затронута тема – путь человека к Богу, который можно определить как путь от сферы *profanum* к сфере *sacrum*. На примере Алексея Луготинцева этот путь особенно ощутим. Поскольку со временем герой меняет свои взгляды и причисляется к числу сознательных христиан, а даже больше – становится воцерковленной личностью. Эти перемены в сознании героя произошли после того, как он, встретив отца Александра в лесу, собирался его убить, однако последний попросил поисповедовать Луготинцева. Поскольку Алексею терять было нечего, он согласился. Однако, когда священник положил ему на голову епитрахиль, герой пережил странное, но и новое для него чувство – он «оторопел и обмяк, словно некая неожиданная и сильная мысль пронзила его»³⁸. В сознании героя произошел первый неосознанный контакт с *sacrum*, ставший началом его религиозного опыта. Зофия Здыбицка отмечает, что первая фаза контакта человека с *sacrum* характеризуется пассивностью и часто неосознанностью со стороны человека. Однако религиозный субъект (т.е. *sacrum*) проявляет себя активно, „ошеломляет” сознание, выталкивает человека из предыдущего нерелигиозного ритма жизни³⁹. На первой фазе религиозный опыт не закончился, ибо то чувство, которое он пережил под епитрахилью отца Александра не давало ему покоя. Поэтому во второй раз он уже осознанно сам пришел к священнику с намерением исповедоваться и обратился к священнику со следующими словами: «Хочу, чтоб ты снова так меня перекрестил, как в прошлый раз, – угрюмо промолвил Логотинцев»⁴⁰. Такое поведение героя позволяет говорить о второй фазе религиозного опыта человека. В этой фазе пассивность человека уступает место осознанному желанию и стремлению к лич-

³⁶ Сегень, *Поп*, с. 51.

³⁷ Там же, с. 51.

³⁸ Там же, с. 113.

³⁹ Z. Zdybicka, *Człowiek i religia*, Lublin 2006, s. 158-168.

⁴⁰ Сегень, *Поп*, с. 128.

ностному контакту с Богом. Для этой фазы характерна интенсивность усилий, преодолеваемых душой с целью соединения с *sacrum*, как самым большим благом, наивысшей ценностью⁴¹.

Появление такого героя в романе отнюдь не случайно. Известно, что в Советское время атеизация общества имела колоссальные размеры. Власть, прежде всего, объявила борьбу с религиозными обрядами, которые не просто ликвидировали, но замещали их новыми коммунистическими церемониями. Креститься мог человек только после 18 лет. После проведения обряда венчания, крещения или похорон власти требовали от священнослужителей списков тех, кто «подвергся» данному обряду. Все это способствовало тому, что, из-за боязни, люди переставали обращаться к духовным лицам для проведения какого-либо обряда. Кроме того, в 1925 году была создана общественная организация – Союз безбожников, целью которого была борьба с церковью и религией вообще, распространение убеждения о не существовании Бога. В тридцатые годы Союз безбожников состоял из 3,5 миллионов человек, активно борющихся с религией. Поэтому неслучайно отец Александр пережил большой восторг, когда в праздник Воскресения Христова во время службы для советских пленных, на возглас: Христос Воскресе! узники ответили: «Воистину Воскресе!», а также подпевали «Верую» и «Отче наш». 12 узников, апостольское число, священник окрестил, что было делом его радости и проявлением, как он считал, чудес свыше.

Идеи теократического христианства, целью которых было создание праведного богочеловеческого общества, а конкретнее богоугодного священника становится ключевым моментом книги. О богоугодности отца Александра свидетельствует его дар ясновидения, только, как он сам утверждал, видения, которые он имел после происшествий конкретных событий. Например, священник имел видение смерти своей жены, когда она была еще жива, но исчезла из дома. Батюшка видел также расстрел митрополита Сергия, а также возведение в патриархи митрополита Сергия Страгородского. Книга изобилует подобными сверхъестественными видениями, подтверждающими уже на уровне мистики необычайность личности главного героя произведения. С помощью методов художественной прозы автору произведения *Поп* удалось развеять миф, сложившийся в советское время о неправомерном сотрудничестве православного духовенства с немецкими оккупантами. Александр Сегень предпринял попытку лишней раз показать универсаль-

---

⁴¹ Z d y b i c k a, *Człowiek i religia*, s. 158-168.

ность христианства, являющегося религией «не от мира сего», что особенно четко просматривается на основании личности священника, действующего от имени Христа как бы вне исторического времени и обстоятельств.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архимандрит К и п р и а н (К е р н), *Православное пастырское служение*, Клин 2002.
- З а м а л е е в А., *История русской культуры*, Санкт-Петербург 2005.
- К о д з и с Б., *Литературные центры русского зарубежья 1918-1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание*, München 2002.
- М и л ю к о в П., *Россия на переломе. Красный террор*, [в:] *Литература русского зарубежья. Антология в шести томах*, т. II (1926-1930), Москва 1991, с. 462-472.
- М и т р о ф а н о в Г., (Священник), *Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы*, Санкт-Петербург 1995.
- П а щ е н к о Е., (Монахиня), «*Душе проснуться никогда не поздно... А. Сегень. «Поп»*», <http://omiliya.org/content/dushe-prosnutsya-nikogda-ne-pozdno-a-segen-pop.html>, информация от 04.07.2013.
- Р о з о в А., *Заметки о церковной критике второй половины XIX - начала XX (Образ священника в русской литературе)*, «Русская литература» 2001, № 4, с. 32-50.
- С е г е н ь А., *Поп*, Москва 2010.
- H e l l e r M., *Maszyna i śrubki. Jak hartował się człowiek radziecki*, Warszawa 1989.
- К и с у А., *Идеал пастыря в нравственно-богословских изысканиях архимандрита Киприана (Керна)*, [в:] *Kultura literacka emigracji rosyjskiej, ukraińskiej i białoruskiej XX wieku. Konteksty. Estetyka. Recepcja*, red. A. Woźniak, Lublin 2013, s. 91-103.
- S u p a W., *Biblia a współczesna proza rosyjska*, Białystok 2006.
- S u p a W., *Portrety prawosławnych duchownych w porewolucyjnej prozie rosyjskiej*, „Roczniki Humanistyczne” 61(2008), z. 7, Lublin 2008, s. 35-50.
- Z d y b i c k a Z., *Człowiek i religia*, Lublin 2006.

POSTAĆ PRAWOSŁAWNEGO DUCHOWNEGO
W POWIEŚCI *POP* ALEKSANDRA SIEGIENIA

Streszczenie

Niniejszy artykuł został poświęcony jednemu z najnowszych utworów religijnych Aleksandra Siegienia, powieści *Pop* (2006). W utworze opartym na dokumentach przedstawiono epizod historyczny z drugiej wojny światowej, dotyczący powstania i działalności Pskowskiej Prawosławnej Misji. W tej powieści Siegien skupia się nie tyle na działalności tej Misji, ile na postaci prawosławnego duchownego. Utwór jest swoistym hołdem dla tych prawosławnych duchownych, którzy nawet w takich ciężkich warunkach egzystencji nie przestawali być sługami Chrystusa.

THE CHARACTER OF THE ORTHODOX CLERGYMAN
IN A NOVEL *POP* BY ALEXANDER SIEGIEN

Summary

The following article is devoted to one of the latest religious novels by Alexander Siegien *Pop* (2006). The work is based on documentaries, which present an historic episode from the Second World War, concerning both uprising and activity of the Pskov Orthodox Mission. In this novel Siegien concentrates rather on the character of Orthodox clergyman than on the activity of the abovementioned Mission. This piece of writing is a peculiar tribute to those Orthodox clergymen who even in such hard conditions of existence didn't lose the faith and hope in the coming of next day.

Słowa kluczowe: Siegień, ksiądz prawosławny, ojciec Ionin, Niemcy, ateizacja, misja.

Ключевые слова: Сегень, священник, отец Ионин, немцы, атеизм, миссия.

Key words: Segen, Orthodox, priest, father Ionin, Germans, atheism, mission.